ДЖ. А. ЛОНГВОРТ

ГОД СРЕДИ ЧЕРКЕСОВ

A YEAR AMONG THE CIRCASSIANS

Лонгворт — корреспондент лондонской газеты «Таймс», побывавший вместе с Беллом в 1839 г. в Черкесии. Лонгворт прожил среди черкесов целый год и посетил примерно те же районы, что и Белл. Книга Лонгворта «Год среди черкесов» является как бы дополнением к книге Белла. Вышла она на английском языке в Лондоне в 1840 году, т. е. почти одновременно с книгой Белла, и посвящена примерно тем же вопросам и сюжетам.

(«Год среди черкесов», т. 1-2. Лондон, 1840 — перевод с английского А. И. Петрова (публикуется впервые))

ГОД СРЕДИ ЧЕРКЕСОВ

Том I

Глава II

...Прибытие на побережье Черкесии...

...После того, как мы сошли на берег, нас провели в маленькую хижину, выстроенную из плотно сплетенных прутьев и крытую соломой. Она должна была служить временным прибежищем для моряков, которые туда вошли. В одном углу хижины был постлан коврик, куда с большим почетом был помещен я, оставшуюся нижнюю часть пола в комнате заняли черкесы, которые поочередно большими группами входили и выходили из комнаты, все время повторяя приветствие «Уза Паша», поднимая при этом правую руку к уху, как у нас принято прикладывать руку к шляпе, и останавливаясь затем передо мной на несколько мгновений в уважительном молчании и с серьезным и смиренным видом. Однако эта смиренность, как я вскоре обнаружил, сочеталась в них с полнейшей независимостью характера и основывалась, как и у всех наций, склонных к церемонностям, на уважении к самому себе, когда другим тщательно отмеривается та степень уважения, которую требуют и для себя. Одеждой этим людям служил хорошо известный кавказский костюм: колпак из бараньей шкуры, сюртук без воротника с просторными свисающими рукавами, плотно облегающий фигуру, застегнутый спереди на крючки и снабженный на груди с обеих сторон десятью патронными гильзами, расположенными в ряд.

Штаны, сверху широкие, книзу сужались и плотно облегали колено и икры, до середины икр они закрыты разноцветными, с **[532]** яркими завязками носками; туфли, замечательно изящные, без подметок, сделаны из красного сафьяна с отделкой из серебряного шитья, ремешков из черной кожи или бычьей кожи. Их оружие — ружье, висящее за спиной в чехле, единственный пистолет, обычно отделанный серебром и заткнутый за пояс спереди, «кама» (cama), или широкий обоюдоострый кинжал, также висящий спереди, и сабля в деревянных ножнах, рукоятка которой, без какого бы то ни было щитка, сделана из черного дерева или покрыта серебром; ножны обтянуты красным или черным сафьяном и украшены серебряной чеканкой. Вся эта амуниция придает мужчине решительно воинственный вид и весьма выгодно подчеркивает прямую мужественную фигуру. Есть, однако, одно обстоятельство, которое особенно заслуживает внимания: это поразительное единообразие их костюма, не только в целом, но и в мельчайших деталях и нюансах, что, придавая им сходство как членам одной семьи, вместе с тем является внешним выражением родства их чувств и обычаев, которое в действительности делает их единой семьей. «Колпак» (calpac) является, возможно, единственным исключением из этого однообразия, хотя даже в этом —

« — Facies non omnibus una
Nes diversa tamen»

и в зависимости от материала, из которого он может быть сделан — из каракуля, бараньего или козьего меха, мелко или крупно завитого, плотного и густого, длинного и косматого, — придает специфически индивидуальные черты — будь то мягкость, жестокость или хладнокровие, — и как я часто замечал, может быть принят за показатель, раскрывающий нам преобладающие черты вкуса, если не склонностей носящего этот головной убор. Одежда шьется из тканей местного производства — темных тонов, главным образом серого, желтоватого или коричневого цвета и самой грубой выработки; одежда черкесов, даже если она расшита серебром, оставляет общее впечатление далеко не блестящее; даже наоборот, в облике первых встречавших нас чувствовался решительный налет бедности: многие из них несмотря на все то достоинство, с которым они носили свои лохмотья, показались настоящими оборванцами...

...Черкесы в целом образец прекрасной человеческой породы: они среднего роста, конечности у них хорошо развитые; черты лица трудно поддаются описанию, но правильной формы.

Хаджи (сопровождающий Лонгворта. — *Прим. перев.*), который отсутствовал в течение часа, чтобы урегулировать вопрос относительно «кунака» (konag), вернулся с сообщением, что все улажено, и, когда были поданы три верховые лошади с прекрасными ходовыми качествами, мы покинули лачугу.

Собираясь оседлать свою лошадь, я был поражен оригинальной формой седла, отличной от всего того, что мне когда-либо **[533]** приходилось встречать. Оно состоит из легкой деревянной рамы, обтянутой красным сафьяном, с плоской

продолговатой подушкой сверху. Подушка толщиной два дюйма, набита шерстью, обтянута черной и красной кожей и разукрашена серебряными пластинами. В передней части седла имеется вертикально поставленный кусок древесины, отполированный, с черными краями, высотой четыре дюйма, приподнятый над серединой седельной луки; в задней части седла имеется совершенно аналогичное возвышение. Не говоря уже об опасности напороться на один из этих выступов, я, садясь впервые между ними, в значительной мере рисковал из-за коротких стремян, которые подняли мои ноги на уровень седла, при первой же демонстрации искусства верховой езды запросто вылететь из седла. В отличие от турецких седел это не оставляет свободного места для ноги, так что единственными точками контакта с боками лошади остаются ляжки и пятки. Через какое-то время я привык к нему и по достоинству оценил его преимущества как боевого седла. Черкесы поворачиваются в нем с величайшей легкостью и могут, подобно древним парфянам, стрелять назад на полном скаку, а также, держась за передний деревянный выступ, могут перегнуться почти под брюхо своего скакуна и на полном карьере поднять все что угодно с земли. Их посадка на спине лошади по сравнению с тяжелым турецким или плоским европейским седлом кажется игрушечной; то же можно сказать и об их весе, который составляет половину первого и треть второго: на это обстоятельство обратил мое внимание Хаджи во время нашего пути к кунаку; он также указал мне на легкость их узды, сделанной из хорошо обработанной бычьей кожи. Он сказал мне, что во время утомительных походов и набегов, которые они совершают, несколько фунтов больше или меньше веса всадника и упряжи могут иметь серьезное значение.

В сопровождении большой группы пеших людей, которые почтительно указывали нам путь, мы проследовали по скрытой тропинке через кустарник или обсаженную аллею, своего рода естественный сад, полный диких фруктовых деревьев в цвету и благоухающих кустов. По пути мы оставили слева усадьбу, состоящую из нескольких домов или квартир; здесь это одно и то же...

Глава III

Гостевой дом. Обед по-черкесски...

Наш «кунак-бей» (Konag Bey) стоял готовый принять меня и, подведя лошадь к гостевому дому, помог мне спуститься на землю. Затем он ввел меня в дом, собственными руками снял с меня оружие и развесил его на стене. В углу комнаты, по одну сторону от очага мне была поставлена шелковая кушетка, на **[534]** которой лежала груда подушек; за исключением этой кушетки, циновки и положенной для Хаджи подушки, другой мебели в комнате не было; однако стены представляли собой нечто большее, чем голую поверхность, поскольку на них сверкало развешанное оружие гостей. Какое-то время все, кроме меня, стояли на ногах; после короткого молчания состоялся обмен приветствиями, после чего возникла новая пауза. Наш хозяин пожелал затем, чтобы главные гости сели, сам же он в первое время не хотел садиться ни в какую; после

настоятельных уговоров он, наконец, устроился на полу на почтительном расстоянии. Я тем временем входил в подробности всех этих церемоний, поскольку ими отмечается прием чужестранца в каждом доме в Черкесии. Сама комната была продолговатой формы, размерами восемь ярдов па четыре; стены были выстроены из кольев, перевитых прутьями и обмазанных светлой глиной; пол представлял собой утрамбованную землю, которую, как я обратил внимание, время от времени поливали и подметали. Верхнее соломенное покрытие, поддерживаемое тремя стропилами в форме треугольника, свисало с крыши выступающими карнизами, которые летом служат в качестве веранды. От стены почти до середины комнаты выступал полукругом диаметром два ярда большой очаг, нижнее отверстие которого расположено на высоте три-четыре ярда от уровня пола; очаг сужался кверху, образуя форму колокола, и выходил наружу своей трубой через конек крыши, возвышаясь над ней на несколько футов.

Эти очаги настолько обширны, что нет почти пи одного без ласточкиного гнезда, откуда птицы, досаждаемые снизу огнем, оживляют помещение своим щебетаньем. Степки очагов делаются из того же материала, что и стены дома; фактически любые строения, включая сюда ульи и ватерклозеты, делаются из плетеных прутьев. Их можно быстро уничтожить, огнем, и с помощью друзей, которые никогда не отказываются протянуть руку помощи, их можно быстро восстановить. С такими соседями, как русские, это наверное даже хорошо, что в области архитектуры не отмечается большого прогресса. В подобных условиях человек не испытывает особой жалости, покидая собственный дом и поджигая его собственной рукой в случае необходимости, тогда как в более цивилизованных странах стремление сохранить родное жилище весьма часто в качестве цены влечет за собой лишение свободы.

После того как мы посидели некоторое время, хозяин поднес мне большую чашу с напитком, который татары называют «буза» (boza), а черкесы «суат» (souat); это смесь из перебродившего просяного зерна и меда, густая и мутная, и крайне тошнотворная, как мне показалось, хотя я и пил ее из вежливости по отношению к хозяину, который внимательно следил за мной, чтобы я не пропускал, и в течение вечера вновь наполнял мою чашу никак не менее дюжины раз. **[535]**

Обед; или говоря точнее, ужин, который считается у черкесов основным, был сервирован после захода солнца. Он состоял из нескольких блюд, которые поочередно подавались на круглый трехногий стол, размерами что-то вроде приставной табуретки. Специально для нас забили овцу, и баранину нам подавали на тонкой просяной лепешке вместо тарелки. Эта лепешка, мягкая и влажная, легко принимает требуемую форму, то есть в центре делается углубление для соуса, ограниченное валиком, а по краям кладутся приличные куски баранины или говядины.

Хаджи и я начали атаку на эти фортификации, будучи оснащены в этих целях маленькими ножами, которые черкесы, между прочим, носят в дополнение к

своим кинжалам на поясе. Кинжалы никогда не применяются для приема пищи, а вот эти маленькие ножи служат одновременно как для нарезания пищи, так и для бритья голов. За мясом последовал мясной отвар, разлитый в большие деревянные миски, скорее даже резервуары необъятных размеров; поверхность отвара подобно Ледовитому океану была покрыта слоем, но не льда, а жира; однако, окунув по образцу моего Хаджи (тут par parenthes, в скобках, я должен от имени моих друзей выразить протест против выдвигавшегося утверждения, что они иногда окунают туда руки) туда ложку резким движением, я обнаружил, что могу отправить ее в рот в состоянии удовлетворительной чистоты. Последовавшие затем блюда состояли главным образом из лепешек, «каймака», или крема, ватрушек, паштета, завернутого в виноградные листья, и, наконец, большой чаши «йогхорта» (yoghort), или свернувшегося молока, которое как «пилаф» (pilaff) в Турции, неизменно завершает пиршество. Вначале я удивился, не видя на столе овощей, но впоследствии узнал, что хотя в этих краях их существует множество видов, черкесы редко, если вообще когда-либо едят их.

Однажды черкес, обедая у Скодра Паши в Албании, отказался есть овощи, которые турки, кстати сказать, обожают в той же мере, в какой черкесы не могут их переносить, а потому делают овощи гвоздем обеда среди сменяющих одно другое блюд; его настойчиво уговаривали отведать овощей. Черкес в конце концов сказал Паше с большой naivete, наивностью, что в Черкесии никто кроме скотины зелени не ест.

Наблюдая в течение нашего обеда как Хаджи протягивал зрителям и слугам куски мяса и паштета, в полном согласии с обычаем, я сам стал проявлять за счет нашего хозяина такую же щедрость. Счастливчик, получивший объедки, с величайшей скромностью удалялся в уголок и, повернувшись спиной к честной компании, тайком их пожирал. После того как все столы были убраны, остатки яств перешли к слугам, а после того, как те насытились, остальное было отдано толпе голодных, ожидавших за дверями. Часа три спустя после захода солнца были принесены дополнительные кровати и покрывала для меня **[536]** и моих слуг, которые, устроившись, заняли весь пол. Позволю себе добавить, что мое покрывало было сделано из парчового шелка, и все было турецкого происхождения...

...Своеобразие образа жизни здешних людей сохранилось в силу исключительного характера существующих у них порядков, которые на протяжении веков были решительно против допущения чужеземцев в их горы и которые превратили черкесов вследствие этого в хранителей не только старых доспехов и костюмов, но также и устарелых норм и обычаев.

Только с того времени, когда Россия приложила свои непрошенные усилия, чтобы усугубить это систематическое отчуждение, организовав блокаду побережья, черкесы из естественного духа противоречия стали допускать иностранцев в свои края, что позволило изучить их и создать картину нравов, природу которых долгое время не понимали те, кто сводит прогресс

цивилизации лишь к определенному уровню материального интереса. Что, например, может показаться более романтическим и невероятным, чем тот факт, что при каждом жилище на Кавказе, будь оно самым богатым или самым бедным, имеется гостевой дом, где пришельца (то есть, черкеса или турка) принимают и угощают бесплатно самым щедрым образом, и что хозяин, каково бы ни было его положение и какой бы степени уважения к себе он ни требовал в иных обстоятельствах, в собственном доме обязан лично прислуживать гостям и ждать их разрешения, чтобы сесть самому?

Эта церемония и, мы бы сказали, усложненная вежливость, их безграничное гостеприимство; преданность слуг своим хозяевам, щепетильность в отношении рангов феодальной аристократии, что соблюдается строже, чем того требуют все прочие и возможно, более существенные различия; скрупулезное и всеобщее уважение к старшим по возрасту — все эти добродетели — старомодные добродетели, если хотите, — слишком наивные для богатства и роскоши, слишком обременительные для суматошной торговой деятельности, все еще бытуют на Кавказе: в его тенистых уединенных местах, в жилищах воинов и горцев они продолжают жить и сохранять свое первозданное очарование, что мы стали бы напрасно искать где бы то ни было еще.

На следующий день рано утром нам нанесли визиты все уважаемые люди, жившие по соседству. Ходили слухи, что русские готовились к захвату их края и якобы уже избрали Пшаду в качестве вероятного объекта для нападения. Однако как бы они ни были взволнованы этими слухами, их поведение отражало обычную вежливость и этикет, которые, казалось, не смогла бы поколебать никакая опасность, как бы велика она ни была...

...Среди тех, кто пришел в это утро засвидетельствовать мне свое уважение, был Ислам Гери Индар Оглу. Это был первый «уздень» (ouzden), или дворянин, которого я увидел, и я был **[537]** сразу же поражен его спокойствием и осознанным чувством собственного превосходства. Вместо ружья у него были арбалет и колчан со стрелами, оружие, которое даже среди черкесов служит скорее для украшения, чем для практического использования, а в глазах европейца ассоциировало его владельца с давно ушедшими веками, призраком которых явился этот воин во всем великолепии своей амуниции. Все это вместе с дамасским мечом, который, как я заметил, неизменно надевается с прочим старинным оружием, было при входе в мою комнату снято с хозяина его слугой, или оруженосцем, и развешано на стене, после чего оруженосец молча занял место подле своего хозяина. Хотя Ислам Гери не обладал, по утверждению шевалье де Мариньи, энергией своего старшего брата, гордого и хитрого Ногая, он все же пользовался большим уважением за свою непритязательную мудрость и прозорливость. Мягкие и меланхоличные черты его лица сразу предрасположили меня я его пользу; памятуя о том, как дружески представлял его семью, в своем повествовании шевалье де Мариньи, я был счастлив с ним познакомиться. Однако мои авансы были встречены с его стороны, как мне показалось, с некоторым отчуждением и стеснительностью, причину которых я вначале не мог объяснить; однако, очень скоро я понял, что он и его семья

чувствовали себя обиженными и в какой-то мере встревоженными тем, что па время пребывания в Пшаде я не захотел воспользоваться его гостеприимством в знак уважения, к которому обязывало их положение в здешних краях.

Однако Хаджи, чьему руководству я по необходимости подчинялся, будучи чужестранцем в этих краях, как нежелательно пи было для меня подчинение такому ментору, в развитие безнравственных намерений, которые он питал по отношению к моему; имуществу, поместил его у человека, который, хотя и был вполне состоятельным, по своим нравственным качествам мало чем отличался от самого Хаджи. Его оправдания, почему он не привел меня в дом Индара Оглу, которого он обвинял в том, что тот является тайным сторонником> русских, не показались обоснованными даже «токавам» (Tocavs), или отпущенникам, хотя они были настроены наиболее враждебно к этому семейству. «Господина (Bey), — сказали они, — впервые приехавшего в страну, должно поселить тоже у господина; не годится подыскивать ему кунака, как какому-нибудь турецкому торговцу». Естественно поэтому, что упомянутая семья должна была почувствовать себя униженной тем, что выглядело как умышленное неуважение со стороны англичанина и как поощрение худших инсинуаций со стороны их врагов, особенно в тот момент, когда их угрозы завладеть долиной возродили в них всю их злонамеренность.

С 1818 года, когда Россией были предприняты безуспешные попытки с помощью де Мариньи и других эмиссаров, **[538]** несомненно, с последующими политическими целями наладить здесь торговые отношения, семейство Индар Оглу непреднамеренно стало орудием этих поисков и вместе с тем в какой-то мере их жертвой. Филантропические взгляды и не вызывающие подозрения высказывания того, кто оказался инструментом русской политики, делали его еще более опасным; тем не менее, хотя русским и удалось уговорить Индара Оглу с помощью, как мне говорили, богатых подарков от имени императора, им не удалось обмануть других, более бдительных жителей края.

Если, по предположениям поздних путешественников, черкесы происходят от троянцев (хотя в том, что касается их характера, среди греков можно найти более подходящие прототипы), они показали себя совершенно в противоположном свете в одном отношении. Хотя они и были готовы принять подарки, однако проявили разумное недоверие к этим «dona ferentes»; в еще меньшей степени намеревались они покинуть свои оборонительные рубежи, мощные сооружения, доверенные им самой природой, путем принятия деревянного коня в форме торговых выгод. По этому случаю, завязав сразу дела с русскими и справедливо разделив их соль, они превратили затем их склады в превосходные костры. Вмешательство со стороны семейства Индар Оглу с целью их защиты только навлекло позор на них: если они не смогли спасти свою собственность, то как они могут обеспечить личную безопасность своих протеже. Русские поэтому стали «музафирами» (musafirs) не только семьи Индара Оглу, но и всего могущественного клана чипаков (chipakows), которые обязаны теперь были предоставлять им убежище, — таков закон гор, единый в каждом сердце, перевешивающий все прочие соображения, в том числе и

понятия патриотизма. Впоследствии, когда я спросил Кери Оглу Шамиз Бея, члена клана, который способствовал побегу одного из пленных русских, почему он укрывал русского, он ответил: «Когда я сделал это, я думал, что у него честные намерения; но будь он даже в десять раз большим предателем, чем он был на самом деле, однако раз он «музафир» нашего рода, я был обязан защитить его».

Естественно, эти обстоятельства ослабили, если не подорвали окончательно влияние Мехемета Индара Оглу; поскольку это произошло в тот момент, когда повсеместно власть знати стала ослабевать, это воодушевило торжествующих токавов, то есть средний класс, которые начали оспаривать у него все оставшиеся привилегии. Всего лишь несколько лет тому назад он присвоил себе право взимать пошлину со всех судов и грузов, прибывающих в порт Пшады. Однако токавы решили на совете и подкрепили это решение своими ружьями, что это узурпация и что ни один человек, какое бы положение он ни занимал, не имеет право взимать пошлину в Черкесии. Лишенный былых прерогатив, серьезно подозреваемый соотечественниками (не исключая даже членов своего рода) в заигрывании с русскими, **[539]** оказавшись в состоянии почти открытой вражды со своими соседями в Пшаде, Мехемет, старейший, богатейший и влиятельнейший из черкесских узденей, оказался вынужден по настоящее время защищать свои земли от посягательств врагов.

Сотня вассалов обрабатывала его поля и объединялась при необходимости под его началом; четыре его прекрасных сына, в расцвете мужества, известные своей храбростью и умом, также объединились, чтобы удержать уходящие богатства их дома...

...Со своей стороны я поспешил объяснить ему, что только по чистейшему недоразумению я не выбрал его дом в качестве своего пристанища и что никто более меня не убежден в том, что все обвинения в его адрес являются необоснованными, порукой чему могут служить даже рекомендации де Мариньи. После этого объяснения мы начали становиться с каждым днем все большими друзьями, и в конце концов он обещал сопровождать меня повсюду и служить мне «аталыком», то есть наставником в том, что касается обычаев страны.

Перед моим отъездом во внутренние районы страны женщины в семье готовили для меня кое-какие вещи из черкесского наряда — туфли, шальвары (shalvar) и тому подобное, которые, как считалось, могли мне понадобиться. Предполагалось, что мне следует подарить им что-либо в знак признательности, и поскольку мне дали понять, что эти подарки я должен был бы вручить им лично, я, разумеется, решил воспользоваться этой возможностью, чтобы самому убедиться в том, насколько верны пли, наоборот, преувеличены рассказы о хваленой красоте черкесских женщин. Само по себе приглашение, сформулированное как «пойти и посмотреть», а не «нанести визит леди», уже является любопытным комментарием относительно их социального положения; и когда мы проходили из гостевого дома в помещение, занимаемое его

«женской половиной», манера, в которой хозяин говорил о своих женщинах, почти заставила меня подумать, что мы направляемся в его конюшню, но отнюдь не в гарем.

Когда вам рассказывают о их существовании и при этом много жестикулируют и многократно упоминают суммы стоимости, вы, естественно, предполагаете, что речь идет о домашнем скоте. У черкесов весьма оригинальные суждения на этот счет: и мужчины, и женщины у них имеют свою стоимость, как и любое прочее имущество на Кавказе, и для женщин может – какой-то мере служить утешением то, что при наличии намека на красоту их стоимость возрастает раз в десять по сравнению с мужчиной.

Когда меня ввели в комнату, жена и дочь хозяина, сидевшие на маленьком диване в углу комнаты, встали, чтобы встретить нас; вновь занять свои места они смогли лишь после того, как я, совершив насилие над моими европейскими понятиями о conve-nance, приличии, сел первым. К тому же я вскоре заметил, что **[540]** обычай приветствовать гостей вставанием не был предназначен только мне; так же как и при нашем появлении, женщины должны были повторять ту же церемонию при появлении любого другого существа с бородой вне зависимости от его возраста и положения: это знак уважения, который все черкесские женщины обязаны отдавать любому, пусть даже самому заурядному работнику в их хозяйстве лишь в силу того, что тот является созданием господним; не могут они также никоим образом сидеть в его присутствии, пока его благоволение на сей счет не будет им сообщено.

Дочь, Хафиза, оказалась живой хорошенькой девушкой лет шестнадцати-семнадцати, казавшейся застенчивой, что естественно для первой встречи, но ни в коей мере не дурного нрава; действительно, у нее не было для этого причин, поскольку она была, как я думаю, убеждена в том, что ни одна другая девушка в округе не могла рассчитывать на большее внимание, или на большую цену, чем она; короче говоря, хотя она была далека от beau ideal, прекрасного идеала, каким мы себе представляем неземную красоту, она, тем не менее, по понятиям этой страны вполне могла быть причислена к черкесским красавицам. У нее были правильные и милые черты лица, голубые глаза и прекрасный цвет лица; светло-каштановые волосы были заплетены во множество косичек, падавших ей на плечи из-под шапочки алого цвета, отделанной перекрещивающимися широкими серебряными полосками; эта шапочка несколько напоминает албанскую ермолку.

Она была высокого роста и хорошо сложена, хотя несколько худовата и держалась, как и все черкесы, мужчины или женщины, очень прямо. Что касается женщин, то вследствие того, что с раннего детства они носят (корсет? — пропуск в тексте. — *Прим. перев.*), тесно сжимающий их бюст, их фигура в какой-то мере теряет изящество из-за того, что спереди и сзади становится излишне выпуклой, а их осанка делается напряженной, особенно при ходьбе. Ее костюм, как и у всех черкесских девушек, состоял из шапочки из алой ткани, которую я уже описал, рубашки из голубого шелка с рядом серебряных кнопок

спереди, кушака, застегнутого очень низко большими серебряными застежками в форме раковин, пониже передника из полосатого шелка виднелись свободные турецкие шальвары; из них выглядывала пара белых нежных ножек, которые по принятой моде в помещении оставались босыми, при выходе же из дома на них надевались разукрашенные деревянные сандалии или шлепанцы из сафьяна.

Вот набросок портрета, хотя далеко не совершенный,1 дочери; что касается ее матери, которая стояла рядом с дочерью, укутанная по самые глаза на турецкий манер в широкий халат из клетчатого миткаля вместо «фериджа» (feridge), лицо доброй женщины закрывал белый «хасмак» (khasmak), или чадра; **[541]** одним словом, «свидетель, ничего не видев, ничего не может сообщить». Это различие между замужней женщиной и девушкой, первая из которых носит чадру, а вторая — нет, соблюдается повсеместно на Кавказе, то ли в силу того, что, переняв частично мусульманские обычаи, они полагают слишком большой жертвой прятать от посторонних глаз товар, которым они могут распоряжаться, или же потому, что женщина в их понимании становится сокровищем, которое нужно скрывать от чужих, только после его приобретения. Поскольку в нашем распоряжении не было общего языка, на котором мы могли бы изъясняться, я распорядился внести в комнату музыкальную шкатулку и запустил ее, чтобы развлечь дам. Они все, а дамы в особенности, были поражены и очарованы шкатулкой: Хафиза в детском восхищении даже совершенно забыла о приличиях, которые она должна была разыгрывать в присутствии «Инглис Бейзаде», английского господина, при его первом посещении. Их удовольствие достигло апогея, когда я сложил к их ногам свои подарки, состоявшие из набора иголок и некоторого количества сафьяна; обычай запрещает им принимать подарки в собственные руки. После беглого осмотра комнаты, которая так же как и моя собственная была лишена мебели, за исключением груды коробок, где они хранят свои постельные принадлежности, ткацкого станка, на котором они ткут ткани для собственной одежды, несколько веретен и некоторых других орудий женского труда, я сделал «салям» и удалился.

По рекомендации одного из моих друзей, которому были знакомы обычаи страны, я перед своим отъездом наполнил большой чемодан подарками, которые, как я думал, будут приемлемы для моих будущих хозяев, — такими, как английские пистолеты, шпаги, часы, коробки с порохом высокого качества; также иголки, шкатулки, украшения, парижские металлические цепочки для женщин. Набитый таким образом чемодан, как я, естественно, предполагал, упаковывая его, послужит тем cornucopia, рогом изобилия, из которого я буду сеять дары, чтобы затем пожать их в виде наилучшего ко мне отношения где я только ни появлюсь. Такова тщета человеческих расчетов! — он превратился, наоборот, в самый настоящий ящик Пандоры, сея вокруг меня зависть, ненависть, алчность, и самые дьявольские страсти. Те из вождей, которым достались подарки, смотрели меньше на позитивную и больше на их сравнительную ценность, а сравнения, как мы знаем, вещь гнусная; те, кому ничего не досталось, а таких было огромное большинство, чувствовали себя очень возмущенными и обиженными; и до тех пор, пока мои сокровища не были исчерпаны — о, счастливый момент! — они подвергались

посягательствам, которые я никак не могу назвать слишком для себя приятными. [542]

Глава IV

Черкесские древности...

Все, что может быть найдено в окрестностях Пшады, или, я бы сказал, в Черкесии, относящееся к древностям, может быть суммировано в нескольких словах. Это — разваливающийся деревянный крест на возвышении неподалеку от берега моря, который, когда он еще, вероятно, свидетельствовал об усердии грузинской царицы Тамары, положившей немало трудов, чтобы пролить свет христианства на этих берегах, уже давно перестал отражать малейшее представление черкесов о христианстве или хотя бы о луче его света. Правда, сопровождавшие нас сняли свои колпаки при приближении к нему, но когда их спросили, почему они это делают, они отвечали, пожав плечами, что до них так делали их отцы. К древесине были прикреплены лоскутья одежды, которые, как мне сказали, служили подношениями по обету, а также для того, чтобы избавить тех, кто повесил здесь свои тряпки, от одолевающих их болезней. Как бы больно ни было для христианина видеть символ своей веры, превратившийся в «безмолвное свидетельство забвения жертвы», такова судьба, которая ожидает любой памятник древности в этой стране. Похоже, что па все здесь наброшено покрывало забвения.

Далее следуют описания могил двух видов, которые здесь можно увидеть: первая — курган или пирамида, большая груда грубых камней, в отдельных случаях большой высоты и окружности основания; другая — кенотафий, гробница, вокруг которой не было обнаружено никаких останков, сложенный из громоздких плоских камней — четырех в квадратном основании, высотой пять-шесть футов, и одного сверху. В одном из вертикально стоящих камней имеется отверстие диаметром приблизительно в один фут, сделанное в форме правильного круга с Тщательно обработанными краями: внутри все пусто. Эти строения, держащиеся благодаря самому весу поистине циклопического материала, дают местным жителям, которые потеряли всякое представление о том, для каких собственно целей они были построены, пищу для всякого рода историй, что они якобы были построены гигантами в качестве жилищ для пигмеев — не «маленькой пехоты, бившейся собственными головами», а нации легких всадников, ездивших не на лошадях, а на зайцах. Они, как утверждают черкесы, первоначально населяли Кавказ. В отношении других руин или останков, крепостей, памятников или часовен у черкесов один ответ: «Это Gennyvis, генуэзское»; этим ответом они удовлетворяются и от вас не ожидают дальнейших расспросов на эту тему. Здесь, как и в Турции, ответ на вопросы о руинах возлагается на Геную (вне зависимости от того, насколько она в действительности приложила руку к этим [543] строениям); «единая матерь мертвых империй», она ответственна за всех за них...

(По дороге из Пшады в Адхенкум. — *Прим. перев.*) ...Поднимаясь, как и до этого, вдоль потока на протяжении нескольких миль, мы, наконец, повернули в сторону и двинулись по левой тропе, которая извивалась среди склонов холмов. Холмы справа имели более рельефные и четко выраженные контуры, и на один из этих холмов, более причудливой формы, нежели остальные, обратил мое внимание Хаджи. «Этот холм, — сказал он, — этот странно выглядящий холм, подпирающий небо вон там, слева, принадлежит дьяволу». «Да, — продолжал он, видя, что я принимаю его сообщение за шутку, — дьяволу принадлежит каждый фут этого холма; и хотел бы я видеть того человека, который принесет хоть прутик из лесу на его вершине или посеет что-нибудь на его склоне».

Пока он рассказывал мне об этом народном суеверии, я, естественно, внимательно рассматривал пик или выступ, который породил это суеверие. Самой примечательной чертой его было то, что на его гребне возвышалось нечто похожее на горб на спине верблюда, вернее даже не возвышалось, а было исторгнуто из его недр и повисло, напоминая развевающейся листвой огромный завиток кудрей. Время от времени со стороны этого леса раздавался странный шум. Стоны, вопли, звяканье цепей перемежающиеся время от времени раскатами дьявольского хохота, — все это убеждало жителей окрестностей холма в том, что именно там происходят самые дикие оргии, вульгарно именуемые «дьявольскими игрищами»; короче говоря, никто — ни мужчина, ни женщина, ни ребенок ни на секунду не могли усомниться в том, что именно здесь находится убежище демонов! Тот, кто рисковал — а среди них были даже такие, кто решался проникнуть на пирушку дьяволов, никогда не возвращались обратно и потому не могли описать ее, если же им удавалось вернуться, то они подобно Балли Боттому «странно изменялись» — подбородок у них смещался к затылку, а лица, постоянно повернутые куда-то в сторону, начинали при приближении других людей делать гримасы в одно и то же время ужасающие и вызывающие смех.

Среди других чудес, в которые верят так же нерушимо, был упомянут расположенный в середине зачарованного леса большой бронзовый котел, как легко можно догадаться, тот самый, в котором кипит «адская смола»; лужайка, где находится котел, как утверждают, не горит и нет никакой возможности поджечь растущую на ней траву. Однако это еще не все: в определенные промежутки времени можно видеть белую лошадь, галопирующую самым диким образом взад и вперед по склонам холма. Не то, чтобы белые лошади были редкостью в этих краях, или же их не приручили в этой стране для подобных скачек: просто **[544]** «та» лошадь, скакун чудовищных размеров, была не земного, и уж совсем наверняка, не кавказского происхождения (а, между прочим, лошади здесь довольно мелкорослые)...

...Черкесы, — большие любители поболтать; после принятых по обычаю приветствий первым же следует вопрос: «Кхаберми?» («Какие новости?»), и здесь нужно признать, что они редко теряются в подобной ситуации; меня частенько развлекала та серьезность, с которой они, за отсутствием стоящей информации, выслушивали друг от друга самые чудовищные небылицы...

Глава V

...«Меджилис», или национальный совет...

Место, где мы провели ночь, представляло собой скопление из дюжины или около того домиков, что можно было бы назвать деревней, если не принимать во внимание то обстоятельство, что они принадлежали одной семье, или скорее различным ветвям этой семьи, до второго, и третьего поколения, процветавших совместно и принадлежавших к одному и тому же родственному древу. В западных провинциях я ни разу не видел, чтобы разные семьи жили в одном месте; я думаю, что эта изоляция вызвана самим гористым и пересеченным характером этого края, благоприятствующим этому ревнивому стремлению к независимости, которое заставляет каждого человека предпочитать быть монархом на своем собственном клочке земли, чем стать членом взаимозависимого сообщества.

В силу отсутствия указанных причин, в Задузе и Данигоке, областях главным образом равнинных, можно встретить большие деревни.

Мы продолжали таким образом наш путь и часов около десяти вечера остановились в доме, находящемся, как мне сказали, в часе езды от того места, где собрались мистер Белл и вожди племен. Стремясь как можно скорее встретиться со своим соотечественником, который был теперь совсем рядом, я, естественно, считал эту остановку несвоевременной; однако я вскоре узнал, что хотя дорога была ровной и довольно легкой, между нами возникло препятствие (как минимум, в понимании черкесов такое же большое и труднопреодолимое, как Эльбрус) и этим препятствием были соображения этикета. Выяснилось, что они никак не могут прийти к заключению, кто из нас двух — мистер Белл или я — был более важной персоной; и будучи ярыми приверженцами обычаев, какими, говорят, были мидийцы и персы в отношении своих законов, они не могли решить (по вопросу, который может показаться так же трудноразрешимым, как известная история с Магометом и горой), кто из нас **[545]** первым должен ехать к другому... Я сразу же отмел подобные смешные притязания, заявив им, что мы оба находимся на службе у своего правительства и что подобные различия у нас на родине неизвестны. С тех пор, однако, на основе принципа старшинства по возрасту я неизменно уступал мистеру Беллу полагающиеся почести, если не единственную почесть, состоявшую в том, что ему причиталось место сбоку очага, считавшееся более почетным и отличавшееся от прочих тем, что оно возвышалось над полом на целых три дюйма.

Я настаивал на том, чтобы продолжить наше путешествие как можно скорее, но обнаружил, что совершенно невозможно покинуть дом нашего хозяина, не убедившись предварительно в самых существенных доказательствах его гостеприимства: выглянув во двор, я был буквально ошарашен при виде боевых порядков столов и блюд, которых было никак не менее сорока, установленных на столах от одного конца к другому. Предполагалось, что всему этому я

должен был если не дать генеральную баталию, то, как минимум, боевой смотр: следя за тем, чтобы я не манкировал своими обязанностями, здесь же находился хозяин собственной персоной, плотный человек квадратного телосложения, наряженный в элегантную тунику из грубой ткани, украшенной, как и у всех местных денди, в избытке серебряным шитьем; безобразное выражение его лица, исполненное свирепости и хитрости, почти нейтрализовало любезное, чуть ли не бескорыстное желание доставить удовольствие. Более того, конфиденциальным шепотком многие из присутствующих убеждали меня в том, что он был «керкин! игит!» (kerkin! iguit!) — одни из немногих турецких слов в черкесском словаре, обозначающие «смельчак, храбрец» и имевшие в данном случае, без всякого сомнения, смысл намека на то, что хозяин был бесспорным объектом, на который должна была быть обращена моя щедрость.

...Теперь мне стало ясно, что Адхенкум, место нашей встречи, которое я представлял себе в виде городка или деревни, был на самом деле не чем иным, как горным потоком, впадавшим в Кубань и давшим, наподобие многих других горных речушек, свое название нескольким домикам, расположившимся на его берегах.

Кроны деревьев, росших вдоль его русла, окаймляли горизонт перед нами, и когда мы отъехали на несколько сот ярдов, паша кавалькада остановилась. Мне объяснили, что мы ожидаем другую группу всадников, которая должна в качестве почетного эскорта проводить нас к дому нашего кунака; сейчас нас известили, что эта группа прибывает во главе с Хаудом Оглу Мансур Беем. Хаджи торопливо сообщил мне, что этот вождь является одним из самых выдающихся в стране и что поэтому я должен считать большой честью для себя, что он снизошел до того, чтобы лично приветствовать меня; по правде **[546]** говоря, я ощущал всю значительность момента, и его предстоящее появление производило впечатление, граничащее с благоговением, пожалуй, большим, чем могло вызвать появление самой выдающейся личности в Европе. Вот, казалось, главное лицо в Черкесии — «его голос в совете, и на войне его меч», обязанный своим возвышением не случайным обстоятельствам или благосклонности правителя, а единственно свободному, хотя и молчаливому выбору его соотечественников, право на который он завоевал личной храбростью и прозорливостью, природным красноречием, то есть качествами, которые правят этой свирепой демократией в горах, и своим превосходящим умом, который превратил их всех, грубых и мало готовых к подчинению людей, в невольных подданных своей воли.

Однако у меня было мало времени для подобных размышлений, поскольку лицо, к которому они имели отношение, появилось во главе другого кортежа всадников, окруженный с обеих сторон узденями, или дворянами. Едва они появились в виду, как значительная часть всадников из нашей собственной группы с короткими пронзительными криками понеслись им навстречу, словно они собирались их атаковать. Они были встречены с такой же решимостью всадниками с другой стороны, ружья и пистолеты были разряжены в воздух, и вдруг обе группы смешались, лошадь к лошади, человек к человеку, с такой

видимой доброжелательностью и дружелюбием, что спервоначалу я, ошеломленный и удивленный, не знал, что делать. Однако это было не что иное, как церемония представления друг другу, как это принято в Черкесии между друзьями, что является, пока они этим не пресытятся, их излюбленным занятием; все это делается для того, чтобы отметить встречу уважаемых людей молодежью, и эта банда башибузуков и сорвиголов продемонстрировала старшим свою преданность, как стая охотничьих пеон.

Однако пока на обоих флангах происходила эта буйная церемония, главные группы в центре продолжали так же не спеша и степенно продвигаться вперед. При сближении по примеру Мансур Бея все присутствующие спешились, и я теперь смотрел на этого вождя, который, приветственно приложив руку к колпаку в обычной манере, стоял напротив меня в полном молчании, не скрывая интереса к моей персоне... Его оружие отличалось элегантностью и превосходной отделкой, но в его одежде, хотя и опрятной, но сшитой из самого простого и грубого материала, не было ничего, способного вызвать зависть у беднейшего из его соотечественников...

...Пока я рассматривал его, Мансур Бей, как можно предположить, не без внимания присматривался ко мне; видимо, он остался доволен результатами этого изучения, поскольку он шагнул вперед с той непринужденностью, которая была в нашем положении одновременно приятной и многозначительной, и сердечно обнял меня, после чего мы вновь поднялись на **[547]** лошадей и направились бок о бок к кунацкой, где... должен был происходить большой совет, или «меджилис» (medjilis).

Собравшиеся по этому поводу не являли собой многочисленной толпы, поскольку почти вся молодежная часть населения, или «охотничьих псов» в то время ожидала русских визитеров; тем не менее здесь была представлена значительная часть аристократии, богатства и ума двух черкесских областей — шапсугов и натухаев (Shapsook, Natukvatch): «tamatas», «effendis» и «ouzdens», то есть старейшины, судьи и дворяне. Коротко говоря, собрание было достаточно представительным, чтобы придать полномочный характер своим решениям. Подобные советы действительно приобретают характер верховного органа власти при том, однако, важнейшем условии, чтобы все черкесы были убеждены в том, что это собрание по своей представительности и составу участников является подлинным выразителем народной воли, поскольку никакому другому органу они подчиняться не будут. Казалось бы, что для достижения этой цели наилучшим образом подходит постоянно действующая представительная система, однако черкесы предпочитают неразбериху и неопределенность, господствующие при их нынешних порядках, ущемлению своих собственных интересов, к которому могло бы привести введение постоянной системы. Эти независимые люди настолько ревниво относятся к власти, что ни один из них не желает выпустить из своих рук хотя бы часть ее или передать ее даже формально, на время, другому лицу или избранным представителям...

И все же, несмотря на их крайнюю независимость, нет никакого сомнения в том, что черкесы фактически имеют представителей своих интересов. Возраст, опыт, доблесть и красноречие имеют должный вес и влияние, и хотя они приспособлены и облачены в одежды, отвечающие предрассудкам народа, они превращают своих носителей в непререкаемых выразителей общественного мнения. Ранее это влияние, господствовавшее на народных собраниях, принадлежало в значительной мере представителям определенного района или племени; однако давление извне, вызванное амбициями России, привело к более широким комбинациям и к выражению уже общенациональных интересов, к превращению советов в большей мере в руководящие органы; в связи с расширением сферы влияния оно, естественно, стало преобладающим со стороны тех племен и тех районов, где влияние начало приобретать представительные формы.

Не то чтобы любой свободный человек в стране утратил свое право лично присутствовать на этих советах и влиять, в меру своих возможностей, на их решения; но в силу тех неудобств, которые вытекали из забвения ими своих домашних дел, а также сбора в одном месте слишком большого числа советников, они стали обычно удовлетворяться тем, что на советах присутствовали люди, которых они если не делегировали в **[548]** буквальном смысле слова, то во всяком случае питали к ним наибольшее доверие. Необходимость в национальных советах возникала, как я уже говорил выше, из-за общей опасности: поскольку ощущение опасности росло, советы приобретали все более важное значение...

...Таковы были характер и состав настоящего собрания, и много «эффенди» в тюрбанах, много морщинистых и седобородых оракулов прибывало из удаленных долин и с горных потоков и, обменявшись своими «салям алейкум», глядя вокруг с большим волнением, чувствовали, что благодаря их числу и представительности, их решения должны стать законом для двух вышеупомянутых областей (т. е. Натухай и Шапсуга. — Ред.).

...Когда мы подъехали к дому нашего кунака, взглянув налево, я начал понимать, что из себя представляет палата национального собрания Черкесии — превосходная дубовая роща, полностью очищенная от подлеска, в тенистой и прохладной сени которой, вокруг поросших мхом стволов, служивших как бы опорами массивной крыше из листвы, сидели на дерне таматы, или старейшины, по-видимому, захваченные серьезными дискуссиями. Оружие было снято, и повсюду виднелись лошади, привязанные к сучьям деревьев (под седлом и взнузданные).

Однако пока коллективная мудрость страны собиралась в тени, на соседнем лугу происходили не менее интересные, хотя и другого рода, споры; речь идет о воинских и конных соревнованиях, которые не могли не начаться, учитывая, что здесь собралась молодежь из разных уголков страны и особенно из соседних районов...

Глава VI

...Замечания по поводу совета...

Выйдя, наконец, во двор перед домом, покрытый травой, мы увидели, что он заполнен тесной толпой, посреди которой было отведено место для нас, где в центре были разложены циновки и подушки. После нашего появления там вокруг нас расселись наиболее уважаемые лица, что, кажется, является общепринятой формой организации совещаний. Судя по числу голов, покрытых тюрбанами, среди присутствующих находились чуть ли не все старейшины и судьи этого района.

...Сцена, которую я только что описал, позволяет составить некоторое впечатление о характере этих собраний, на которых, добавил бы я, царят порядок и приличие. Шум, крики, брань никогда не допускаются, и язык, к которому прибегают для красноречия — дословно «tatlu dil» («сладкий язык»), ясно указывает, что они отдают предпочтение убеждению, а не брани и угрозам. Как я уже говорил, каждый имеет право, если он того **[549]** пожелает, обратиться к собранию, но это привилегия, которой пользуется далеко не каждый. Молодежь здесь отличается скромными манерами по отношению к старшим по возрасту; для личного опыта в странах, подобных этой, нужно иметь куда больший вес, чем там, где благоприятные условия для чтения и учения приносят свои отрицательные плоды.

Редко бывает, чтобы кто-нибудь в возрасте моложе сорока лет вмешивался в обсуждение; и только с появлении достаточного количества седых волос в бороде, говорящих о зрелой мудрости старейшины, оратор может рассчитывать на внимание аудитории. Ежели объявляется личность, более чем другие любящая послушать сама себя, у них есть весьма своеобразный способ заставить ее замолчать; они не кричат петухами и не издают ослиных воплей, как в некоторых других, более цивилизованных странах; они применяют метод, который делают специфически для них приемлемым форма и просторность их дома собраний — «al fresco», то есть «без стен». Незадачливый оратор может обнаружить, что его аудиторию составляют единственно соседние деревья и кусты, тогда как те, к кому он обращался, давно уже рассеялись и вновь собрались вне пределов слышимости, где их можно видеть слушающим кого-либо, кто имеет большие основания привлечь их внимание.

За исключением подобных случаев терпение, настроение и выдержка этих собраний могут служить прекрасным образцом; в случаях, когда обсуждались проблемы местного интереса, мне частенько доводилось, по возвращении вечером из экскурсии, заставать круг собеседников ненарушенным, на том же самом месте и под тем же самым деревом, где я их покидал утром.

День за днем они будут продолжать дискуссии, во время которых люди, чье мнение они уважают, могут говорить часами; но что, вне сомнения, заставляет их продлевать свои заседания, так это необходимость прийти к единогласному

мнению — для решения какого-нибудь вопроса простого большинства недостаточно; если они не пришли к единому мнению, они расходятся, не приняв никакого решения, так как ни один из них не будет подчиняться мнению, которое он не разделяет.

Среди тех, кто дожидался возвращения мистера Белла, я увидел двух князей высшего ранга, которые именуются «пши» (pchee), рангом выше «узденей». В былые дни князья этого ранга обладали значительными привилегиями; у них были вассалы, чьих услуг они могли требовать во время войны, и которые в мирные времена поддерживали достоинство своих сюзеренов.

Но в трех провинциях натухаев, шапсугов и абадзехов, как я уже упоминал, в последние годы появилась тенденция, — привнесенная, я думаю, магометанством, — аннулировать эти различия; и единственные привилегии, насколько я мог **[550]** заметить, на которые еще могут претендовать люди этого класса, — это первенство в бою и на празднествах, где им в равной мере уступается право быть в первых рядах — как за столом, так и на поле боя. К этим прерогативам они добавляют еще одну, столь же отличную — первыми садиться и любезно позволять всем прочим занимать место вслед за ними. Здесь в это время было трое выходцев из этого класса: первый — Сефер Бей, которого я часто упоминал, поскольку он выступал в качестве черкесского посла в Турции; второй — Шимаф Бей, князь Семеза, о котором я буду иметь возможность рассказать дальше; и третий — Селим Бей, князь Ваны, которого позволю себе представить моим читателям. Как и князь Шимаф, он не обладал большим влиянием в совете или на поле боя, и вместе с первым был избран, чтобы принять нас как почетных гостей, «музафиров» страны. Раньше Селим Бей занимал значительный пост при серале в Константинополе и командовал полком императорской гвардии. Но после смерти своего брата, храброго Пшукои, павшего на поле брани, он вернулся в Черкесию, чтобы уладить семейные дела, пришедшие в беспорядок, и так здесь и остался. Он видел свет больше основной массы своих соотечественников; в его манерах было меньше принужденности, а его беседа была живой и завлекательной. Он был, как он сам нам сказал, европейского происхождения, поскольку кровь в его жилах была генуэзской, — утверждение, которому подтверждением могли служить тонкие, типично итальянские черты его лица...

...Два дня были проведены за обсуждением внутренних дел. С одной стороны можно было видеть старших членов совета, занятых мирными дискуссиями; тогда как в другом конце молодые люди с удовольствием, продолжали свои занятия спортом. Главным из видов спорта была гонка, а скорее даже охота, когда одного всадника на полном скаку преследовали несколько других всадников, а тот стремился увернуться от них, используя для этого не только скоростные качества своего скакуна, но и различного рода хитрости, уловки, а также неровности местности. Чтобы доказать талант хорошего стрелка, они упражняются в стрельбе на длинную дистанцию, стреляя с подпорки, а также ведут стрельбу на полном скаку, сбивая на землю шапку, причем искусство состоит в том, чтобы моментально выхватить ружье, висящее за спиной в

фетровом чехле; то же самое упражнение проделывается и с пистолетом. Стрельба из лука, хотя она и не в такой моде, как ружейная стрельба, также имеет своих любителей. Мишень укрепляется на шесте на высоте около пятидесяти ярдов и они стреляют в нее из седла, полностью разворачиваясь в нем, чтобы прицелиться, когда они скачут мимо. К этим упражнениям следует добавить борьбу и толкание больших камней.

...В этих двух областях (шапсугов и натухаев. — Примеч. ред.) **[551]** население было весьма благоприятно... настроено в пользу того, чтобы урезать права дворянства, которое, не имея ни вассалов, ни богатства для того, чтобы удержать свои привилегии, были вскоре вынуждены отказаться от единственной привилегии, которая, несмотря на то, что была лишена реального содержания, все еще сохранялась за ними.

Убийство человека здесь искупается штрафом, и жизнь узденя оценивалась раньше выше, чем жизнь обычного человека; штраф теперь был уравнен, и двести быков теперь уплачиваются за благородную и низкую кровь без различия...

...Есть три качества (как рассказывал мне старый Осман, мой оруженосец), которые в этих краях дают человеку право на известность, — храбрость, красноречие и гостеприимство; или, как выразился он, «острый меч, сладкий язык и сорок столов».

Я уже говорил о Хауде Оглу Мансур Бее; он стал настолько популярен, что я часто слышал, как его величали «королем страны» — остроумная гипербола, сама по себе доказывающая, что никто нимало не опасался, что он может стать таковым в действительности.

Вторым по степени уважения шел за ним Кери Оглу Ша-миз Бей; все в один голос хвалили его и, что особенно важно для репутации политического вождя, хвалили его советы; его деятельность скорее ощущалась, чем была видна; сам я его видел в течение месяца после моего прибытия; когда мне его представили, я увидел человека скромного, но полного достоинства, с длинной белой бородой, высокого, худощавого и прямого. Всю свою жизнь он провел в войнах и приключениях, начав свою карьеру при осаде Измаила... Короче говоря, он был весь покрыт шрамами и рубцами, памятками о боях, о многих из которых он уже давно забыл. Если для нас черкесский Нестор был в какой-то мере слишком во многом напоминанием о прошлом и слишком в малом свидетелем настоящего, то для своих соотечественников его личный опыт был тем, чем для нас служат описания путешественников и исторические исследования, и они, кажется, никогда не уставали слушать его...

Когда я как-то выразил свое удивление хладнокровием, которое он проявил в тяжелых обстоятельствах, он ответил: «Грудь у Шамиза очень большая, там спрятано так много такого, о чем другие не имеют представления даже!» На брань и оскорбления он обычно отвечал спокойным сарказмом или

презрительным «рек-ее» («очень хорошо»). Но бывали случаи, когда его подлинная натура раскрывалась с несокрушимой силой; когда, например, защищая клиента, он поднял меч на анапского пашу. Это было в то время, когда турки, которые были хозяевами страны... Один из турок, находившийся под протекцией Шамиза, был приговорен к смерти пашой; старый **[552]** рыцарь-уздень случайно оказался в городе и счел своим долгом прийти незамедлительно к нему на помощь; он ворвался в «селамлык», загородил собою пленника и, обнажив свой ятаган, заявил удивленному паше и его мюридам — пусть они попробуют его тронуть. В этом штрихе мы, возможо, скорее увидим нечто, достойное восхищения, а не осуждения; но я могу привести множество других случаев, когда он действовал под влиянием иных, далеко не таких благородных импульсов — из спеси и мести, страстей, которые сильный интеллект учит его скорее избегать, чем подчиняться им. Именно в этом отношении он отличался от Мансура; и хотя его спокойный и сдержанный нрав, стоицизм и лицемерие, возведенные в привычку, могли заслуживать уважения, будучи созвучными представлениям его соотечественников, эти качества не могли вызвать к нему любви в отличие от естественной искренности и благородной простоты последнего. Однако между ними не было соперничества или недоброжелательства, поскольку Мансур с готовностью оказывал внешние знаки уважения к старику, чего требовали его возраст, а другой с равным тактом и благоразумием признавал его действительно большую влиятельность; оба они взаимными уступками поддерживали значение и роль своего клана Чипаку (Chipakous), признаваемые со времени изгнания абатов (abats) в равной мере шапсугами и натухаями.

Членами этого знаменитого клана, состоящего самое большее из шести-семи семейств, были также Мехемет Индар Оглу и судья Хаджи Оли. К ним можно добавить Арслана Гери, храброго и известного воина в расцвете сил, не менее, однако, известного и своей скромностью; действительно, его застенчивость крайне контрастировала с его мужественной наружностью, грудной клеткой и плечами Геркулеса и тем, что мы слышали о нем со слов тех, кто видел его в бою, когда он со своей мощью прокладывал себе путь среди русских рядов подобно Ростану; все это скорее всего предрасполагало людей в его пользу. Он, очевидно, был человеком действия, и вместе с тем с посредственным собеседником.

Среди наиболее влиятельных лиц, присутствовавших на собрании, был также Кериак Оглу Али Бей, из клана Куцуков (Kutsuk)., человек, который вызывал уважение не только своими физическими данными, поскольку был высок, худощав и мускулист, как гигант, но и природной силой характера, церемонной и вызывающей доверие речью, благодаря чему он прокладывал свой собственный путь в стране. Немногие решились бы обидеть человека его роста и решительности; и его соседи, особенно армяне, неизменно уступали вежливым просьбам, которые время от времени, в соответствии с обычаями страны, он направлял им в отношении скота и товаров.

Судя по именам, которые я здесь упоминал, можно заключить, что главными лицами в этой области были во время **[553]** моей поездки почти все дворяне. Однако среди них было несколько человек из народа, которые своим влиянием поддерживали честь своего класса. Среди них надо упомянуть Да-зика Оглу Шупаша, наиболее выдающегося представителя черкесских «токавов», земледельцев — подлинный патриот, сердечный и гостеприимный хозяин, твердый в своих привычках, учтивый в манерах, скрупулезно опрятный в одежде и снаряжении; в таком состоянии совершенства были не только его личные вещи; как всякий хозяйственный «токав», он содержал также в прекрасном состоянии свою лошадь и лошадиную сбрую. Среди зимы, так же как и летом, мы находили у него самый сердечный прием, причем весь дом шел ходуном, и хотя ему уже стукнуло семьдесят, он выскакивал зимой на снег, чтобы встретить нас со всеми удобствами. Строгое соблюдение всех церемоний, обычаев и обрядов, что является целью воспитания под наблюдением «аталыка» (atalik), делали его образцовым «охотничьим псом» в стране; наряду с этим его изысканная любезность, веселость, молодость души делали его наиболее выдающимся образцом. Редко случалось, чтобы его в компании всадников не признавали по общему молчаливому согласию предводителем; и когда в позапрошлом году русские во время очередного набега сожгли его дом и увели его скот, ему более чем компенсировали утрату благодаря усердию и добровольным взносам его друзей.

Еще одним человеком из народа, известным среди натухаев, был Хасс Демир. Для Черкесии он был обладателем значительного состояния; то есть, он имел три или четыре тысячи овец, двести или триста голов крупного рогатого скота и несколько дюжин рабов. Он пользовался также репутацией мудрого человека; и хотя мы бы не сочли холодные, манеры и важный вид убедительным подтверждением его достоинств, у его соотечественников, несомненно, были веские причины для такого мнения. Что касается его гостеприимства, хотя и несколько показного, мы охотно готовы выступить свидетелями. Он действительно был, как его охарактеризовал бы Осман, «человек с сорока столами».

Наконец, в числе натухайских дворян я не могу пропустить нашего любезного друга Чорук Оглу. По правде говоря, его розовые лоснящиеся щеки, благодушный взор и довольно-таки полная фигура, которую даже самый туго затянутый пояс с трудом доводил до общепринятых размеров, делали его похожим скорее на веселого собутыльника, чем на хорошо закаленного воина; однако широта взглядов, твердость и здравый смысл, которые позволили бы ему подняться в высшие слои, общества в более мирные времена и в более мирных условиях, даже здесь ценились должным образом. Его занятия, хотя и несколько меркантильные — он был одним из самых процветающих торговцев в Черкесии, — вовсе не мешали этому **[554]** добродушному человеку ходить вооруженным до зубов и принимать участие, подобно остальным, в баталиях.

Присутствие по этому случаю вождей и старейшин от шапсугов, хотя эта область более могущественная и населенная по сравнению с натухаями, было

менее представительным как по числу, так и по значимости. Причиной этому служила в большей мере экспатриация клана абатов, которые ранее играли такую же ведущую роль среди шапсугов, как чипаку среди натухаев; покинув родные места, абаты на новом месте приобрели почти такое же влияние, каким они ранее пользовались в своей собственной провинции. «Токавы», или земледельцы, которые изгнали их и которые раньше так рвались захватить принадлежавшую им власть, теперь не могли избрать в своей среде того, кто пользовался бы у них таким же авторитетом. Даже Хорос Оглу Амеерз, наиболее выдающийся из них, помимо того, что находился под подозрением в нечестности, чувствовал, что ему не хватает авторитета, которым пользовался его противник из аристократов, чтобы руководить советом племени.

В результате этого никакие общие меры, направленные на общественное благо, не могли быть обсуждены или приняты, если бы их не санкционировали и не поддержали своим присутствием чипаку. В области были два дворянина, которые, хотя и происходили из менее известных родов, однако имели значительное влияние, однако ни один из них не присутствовал на совете; это были известный Хаджи Буз Бег, который, будучи знаменитым воином, никогда не вмешивался в дела совета, и Шахин Гери, уздень, пользовавшийся большим уважением, но бывший во вражде с Шамиз Беем, а потому, во избежание личного столкновения, вынужденный отсутствовать на совете....

Со стороны шапсугов на совете присутствовали только «токавы», и их возглавлял, как я уже говорил, Амеерз. Помимо него, здесь был и почтенно выглядевший человек по имени. Нассва, который был самым знаменитым оратором провинции — у него был в совершенстве развит «tatlu dil», «сладкий язык»; я, разумеется, не берусь судить о его медоточивости, поскольку не знаю языка; но если судить по невероятному количеству того, что старик говорил на совете ore rotundo и полуприкрыв глаза, можно предположить, что он ограбил половину пчелиных ульев племени шапсугов. Вопреки наставлениям Демосфена, он использовал очень мало жестов и его речь текла так же легко и монотонно, как соседний ручей; оно, действительно, так и казалось — что раз начав, он никогда не закончит.

Заседания совета продолжались четыре или пять дней, в течение которых мы все время меняли нашу резиденцию, постепенно спускаясь с одной зеленой террасы на другую вдоль течения Адхенкума. Столь большое число людей, собравшихся **[555]** в одном месте, было, по причине отсутствия каких бы то нй было общественных фондов на эти цели, слишком обременительным для тех, кто их содержал, поэтому нет ничего удивительного в том, что они старались облегчить это нелегкое бремя, меняя настолько часто, насколько это было возможно, те плечи, на которые оно ложилось...

...Ограда вокруг участка земли является здесь единственным удостоверением на право собственности; однажды покинутый участок превращается в общественный фонд и может стать собственностью на тех же условиях любого, кто пожелает его обрабатывать. Черкесы вообще не понимают, как, за

исключением непосредственного использования, кто-либо может предъявлять исключительные права на землю; для них все элементы общие — земля и воздух, огонь и вода — и любой из них можно иметь в необходимом количестве без каких-либо ограничений. Собственность здесь составляют руки, используемые для обработки земли, скот и получаемый продукт. Их представления о собственности, очевидно, указывают на их происхождение с времен кочевого образа жизни. Правда, у них дома, а не кибитки, но их архитектура самая простая и единообразная — простейшие клетки из плетеных прутьев, обмазанные глиной, такие же по своему строению и материалу, какие они делали в течение веков; доказательство, если этот факт требует каких-то доказательств, того, что их обитатели редко подолгу проживают на одном месте, ибо в противном случае они бы пришли к мысли о необходимости усовершенствовать свое жилище. Во всех домах, где мы останавливались, мы встречали любезное и гостеприимное обращение. Правда, мы делали подарки, но нам говорили, что они вовсе не обязательны и что таким образом мы даже прививаем дурные привычки жителям страны. С другой стороны, мы редко сталкивались с тем, чтобы эти подарки отклонялись; а в некоторых случаях у нас их просили довольно настойчиво. Особенно примечателен в этом отношении один человек, чья низость и попрошайничество были оскорбительны для нас; это был Калабут Оглу Хатукой Бей, недостойный член рода чипаку.

Цель, ради которой я представляю его, — дать читателю некоторое представление о неприятной разновидности людей, которые могут процветать только при порядках, существующих на Кавказе. Как может догадаться читатель, эти . порядки берут свое происхождение из духа безграничного гостеприимства и проявляемого при этом решительного презрения к материальным благам. Невозможно, чтобы при подобных обстоятельствах человек мог разбогатеть, поскольку неимущий считает себя вправе почти требовать вспомоществования от своего более удачливого собрата, и предполагается, что человек; про: которого известно, что он имеет лишнюю пару обуви или рубашку, должен поделиться ими в пользу голого и босого. Насколько **[556]** черкесы пунктуальны во многих других отношениях, настолько они бесцеремонны в отношении собственности, даже наоборот, считают своим долгом брать и давать с равным безразличием. Подобная система с неизбежностью должна способствовать сохранению вещей в примитивном состоянии и не может нормально сосуществовать с денежным обращением; она также позволяет лентяю и бездельнику пользоваться плодами чужих промыслов и предприятий, что в значительной мере является препятствием для их развития, вырождаясь для некоторых в источник дохода путем попрошайничества...

(пер. А. И. Петрова)
Текст воспроизведен по изданию: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик. Эльбрус. 1974

© текст - Гарданов В. К., Петров А. И. 1974
© сетевая версия - Thietmar. 2010
© OCR - Анцокъо. 2010

© дизайн - Войтехович А. 2001
© Эльбрус. 1974